14 июня 1985 г., № 24 (1168)

Литературная Россия
г. Москва

Вечно цветущий сад

«Вишневый сад» — спектакль Калининского драматического театра

Калинин — город, прочно живущий в памяти. Белизною бесчисленных новых зданий и неяркой ампирной желтизною немногих старинных домов, бережно восстановленных после страшных военных разрушений. Для всех гостеприимен путевой дворец, в котором останавливались императоры, путешествовавшие из одной столицы в другую; сейчас в нем хорошо, просторно картинной галерее. Памятник Афанасию Никитину, который отсюда, из Твери, ушел за три моря, а сейчас словно вернулся навсегда в город на Верхней Волге. Только возле колоннады театра не светились фонари, не было афищ — театр уехал на гастроли. В гастролях и пришлось познакомиться с сильной калининской труппой, с работами главного режиссера — Веры Андреевны Ефремовой. Этот театр имеет репутацию давнюю и добрую. Он одновременно гостеприимен и взыскателен к современной драматургии, не просто ставит классику — находит в ней свое, не повторяющее ни репертуара, ни решения других театров.

Своя тема, стремление углубленно раскрыть характеры привлекали в «Последней жертве», показанной калининцами на фестивале пьес Островского в Костроме. Своя тема отчетлива и в прочтении чеховского «Вишневого сада». Недавно этот спектакль дважды прошел в Москве. Калининцы поставили свои декорации — удобные, неяркие (художник А. Тарасов)—на сцене Театра имени Ленинского комсомола. Конечно, приехали руководители театра, исполнители всех ролей, кроме той, которую автор первой назвал в списке действующих лиц: «Раневская Любовь Андреевна, помещица».

Когда «Вишневый сад» идет в Калинине, актриса, играющая Раневскую, приезжает на вечер из Москвы. Играет Раневскую Вера Кузьминична Васильева.

Ее все знают — с первой киноролн, сыгранной еще в студенческие годы в «Сказании о земле Сибирской», до последних работ в Театре Сатиры. Здесь состоялся театральный дебют В. Васильевой в роли юной актрисы-дебютантки Лизы Синичкиной, здесь прошла вся жизнь. Без Веры Васильевой немыслимы старинный «Лев Гурыч Синичкин», задорная «Свадьба с приданым», «Женитьба Фигаро», где в изысканной графине Альмавива проступают черты лукавой Розины, спектакли по новым пьесам Салынского или Алешина. Васильева хочет играть роли, кажущиеся для нее неожиданными: в недавнем интервью она говорила о Кручининой и Огудаловой Островского, о неукротимой «Воительнице» Лескова (действительно, может получиться замечательная инсценировка!), об Аркадиной в «Чайке». Раневскую не назвала, так как уже сыграла ее в Калинине.

Родители Веры Кузьминичны — калининские, детство связано с деревней тех же волжских, лесных мест. Случайно встретившись, Вера Ефремова и Вера Васильева разговорились о Твери — Калинине, о жизни театра. Актриса посетовала на то, что заветные роли, в их числе Раневская, остаются пока мечтой, режиссер посетовала, что из их театра ушла актриса, игравшая Раневскую, и жаль спектакля, поставленного еще в 1974 году.

Актриса Московского театра Сатиры вошла в калининский спектакль. Не как гастролерша, подчиняющая себе режиссерский замысел и партнеров. Но как равноправная и в то же время полноправная участница сыгравшегося ансамбля, самостоятельного замысла. Спектакль с новой Раневской репетировали, соблюдая чеховскую полифонию, тонкость течения каждой жизни. Поэтому сегодняшние зрители воспринимают общую атмосферу действия, поэтому они не просто следят за событиями, но истинно сочувствуют героям, то есть чувствуют вместе с ними.

Здесь непривычен Лопахин — А. Чуйков — мягкий, словно бы с ленцой, уступчивый. Но чем дальше, тем отчетливее понимаешь, что делец он отменный, умеющий завоевать удачу, что неотвратимо разорение усадьбы, где прошло и его детство, только не дворянское — нищее, жесткое детство в отцовской избе. Выбившись «в люди», он сохранил интерес к

Лопахин — А. ЧУЙКОВ, Раневская — В. ВАСИЛЬЕВА.

людям иного склада: кого-то презирает, кого-то побаивается. Оттого в этом спектакле так важны споры-диалоги Лопахина — А. Чуйкова, Пети Трофимова — В. Синицкого (явственно напоминающего о горьковском Власе из «Дачников»), местного барина Гаева — Н. Бутрехина. И нелепо озлобленный Епиходов — К. Юченков, и столь же нелепо жизнерадостный Симеонов-Пищик — А. Пруссаков, и бездомная Шарлотта — А. Вольская, и заботливый Фирс — И. Юдин — все важны в этом неторопливом сценическом повествовании. Аня у В. Рычковой жалеет мать, но к прошлому, кажется, совсем не привязана: такая уйдет, не оглядываясь на старый сад. А Варя у Н. Хониной — вся в этом доме, в его укладе. Эта Варя старше чеховской героини, как и некоторые другие исполнители: ведь более десяти лет идет спектакль, а заменять актеров в нем трудно. Они сыгрались, они живут той единой мелодией спектакля, которую ощутила и — без отрицания — обновила новая Раневская.

Вера Васильева умеет и любит перевоплощаться в своих героинь, но ей несвойственны ни сложный «характерный» грим, ни полная, до неузнаваемости, растворенность в роли. Поэтому зрители так любят не только персонажей, играемых актрисой, но саму актрису с ее улыбкой, ее блеском глаз под пестрым платочком или пудреным париком.

Любовь Андреевна Раневская сочетает это перевоплощение Веры Васильевой и ее узнаваемость. Грим невелик, но очень важна пластика роли, манера надевать шляпу, брать сумочку. Первостепенно важна тональность роли, и вовсе не «светскость» ее, но простота и непосредственность. Раневская у Веры Васильевой — женщина, которая что думает, то и говорит, как чувствует, так и живет — иное дело, что жизнь нескладна. Впрочем, понятие «нескладности» с этой женщиной не сочетается — так покоряет естественность всех ее чувств и реакций. Раневскую играли никчемной, порочной, легкомысленной, лирически тоскующей, доброй, эгоистичной, и все эти свойства действительно существуют в чеховской Раневской, определяя ее характер и судьбу. Вере Васильевой удалась многозначность характера, его единство в текучести, необратимости времени. Времени личного — взрослая дочь, страх увядания. Времени исторического, беспощадного к вишневым садам и их хозяевам. Любовь Андреевна плачет, но глаза блестят, и сквозь слезы она улыбается, легко жалея других и себя и легко забывая горе. Эту Любовь Андреевну хочется не обличать, не осуждать, но пожалеть, сказав о ней вместе с Гаевым: «...Добрая, славная...», и вместе с Лопахиным: «...Таких легкомысленных людей... я еще не встречал».

В последние годы не вызывает удивления спектакль, в котором заняты актеры разных театров. Процесс этот, вероятно, закономерный, внушает и опасения. Он свидетельствует не только о свободе поисков режиссеров и исполнителей, но и о некоторой размытости принципов, стилистики театров. Данный случай — иного рода; он радует плодотворностью принципа, оправданного и отчетливого усилия и театра, и исполнительницы. Это не быстрый переход из одного театра в другой, не легкая работа по принципу «типажности». Это — сохранение принципов своего театра в другом, расширение диапазона актрисы и возможностей театра. Не «гастроль» знаменитости, но общая, обеим сторонам важная совместная работа. Опыт ее плодотворен для участников и поучителен для других театров.

Елена ПОЛЯКОВА,
доктор искусствоведения